
С. В. ГОЛУБЕВ

ПРОБЛЕМА “УСПЕХА” И “УДАЧИ” В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

“Успех” и “удача” – понятия обыденного сознания, описывающие человеческое существование, мотивы и результаты деятельности индивидов. Они часто употребляются в повседневной речи, на первый взгляд не обладают богатым содержанием и вряд ли могут быть пригодны в качестве познавательного инструментария, особенно в рамках философского подхода. Однако концептуальное, сопоставляющее разворачивание аккумулированных в них смыслов выявляет содержательную глубину и эвристические возможности этих понятий, их эффективность в актуализации социально-философской проблематики.

В социальном философском аспекте успех и удача могут быть представлены как своего рода идеальные типы в веберовском смысле, что позволит построить иной “угол зрения” при анализе социальной реальности, предложить, по принципу дополнительности, “другой язык” описания многих конкретных явлений современной общественной жизни.

Несмотря на кажущуюся схожесть, эти понятия имеют принципиально отличное экзистенциальное содержание, обозначают, как мы попытаемся показать, весьма несхожие жизненные ценности и цели, и, соответственно, различные типы жизнедеятельности.

Начнем с этимологии, с “путеводной нити” языка.

“Успех” – пехота, пешком, то есть постепенно, шаг за шагом, к успеху *идут*, да и пахота, наверное, сюда же. Успеха добиваются, за него борются, путь к нему, как правило, долог и труден, как свидетельствуют устоявшиеся обороты речи.

“Удача” – дача, то, что дается, везение, то, что везет (подвезло, как говорят в народе), а не сам дошел пешком. Удача не требует отдачи. Она – выпадает, ее не добиваются, а ждут, надеются, что она сама придет, “улыбнется” просто так, “ни за что”.

Экзистенциально успех – возрожденческое понятие, там его духовные истоки, там оно обретает смысл. Что есть Возрождение? Действительно в какой-то части это возрождение античности, точнее, античной чувственности, телесности, интереса к этому миру, к материальной, предметной действительности. Главное открытие Возрождения в том, что смысл бытия, цель и ценность человеческой жизни не по ту сторону, не где-то там, в ином, а в этом реальном, чувственном, предметном мире, **здесь и сейчас** человек может и должен искать и находить действительный смысл и ценность. В этом, кстати, и состоит основная интуиция возрожденческого искусства, его реалистической живописи.

Здесь рождается гуманизм, интерес человека направляется на него самого, деятельность – на окружающую его реальность, на преобразование, подчинение её, а работа над собой все в большей степени приобретает смысл, когда дает конкретные **осязаемые** (практические, реальные – все это синонимы) результаты в этом реальном мире.

В. Дильтей в специальном исследовании дает такую характеристику утверждающемуся мироотношению: “Изменение условий в XV веке вызвало в отличие от отрицания мира в средние века новое чувство жизни. Основной чертой нового времени было утверждение жизни: человек и его естественные отношения к среде стали центром интереса; полностью выразить себя, утвердить свою волю, насладиться собой в красоте жизни и ее отражении в литературе и искусстве” (1). Этот мир уже не тень, не преддверие подлинного, как считалось в средневековье, а настоящее (для наглядности можно сравнить средневековую иконопись, ориентировавшую человека на высшее, сверхчувственное бытие, и живопись Возрождения); здесь настоящая жизнь, и здесь человек может узнать, что он есть, чего он стоит **на деле**. В этом, собственно, и состоит одна из ключевых идей протестантизма, – доктрина предопределения.

Таким образом, Возрождение нарисовало новую картину мира, в которой было осуществлено нечто вроде онтологического приземления человека, что и было необходимым и достаточным для конституирования успеха как смысла и цели жизни. “Успех в жизни”, “жизненный успех” – так ведь и говорят. Мир – объективная ре-

альность, которую можно и нужно познавать, чтобы использовать, а жизнь человека есть результат его сознательных усилий – вот заложенный Возрождением фундамент европейской цивилизации. Эта идея господствовала в общественном сознании и определяла характер развития цивилизации вплоть до начала – середины XX века. Просвещение было собственно научным оформлением Возрождения, придало его идеям программную форму и статус.

В понятии успеха есть все, что составляет суть возрожденческого, новоевропейского духа: рационализм и системность, воля и индивидуализм, вера в человека и вера в лучшее (прогресс). Успех – это то, что приходит в результате личных рационально просчитанных, системных, волевых усилий.

Удача – в ней нет **ничего**. Для нее не нужна воля, не нужен рациональный расчет, бессмысленны системность и методичность. Не нужны собственно никакие индивидуальные личные качества. Успех не приходит к кому угодно, просто так. Удача – дело случая, его игры, она онтологически случайна и потому делает излишними личные усилия, за что ее и любят. В сущности, удача элиминирует личность; для того чтобы ее ждать, не нужно быть кем-то, достаточно просто быть. Между прочим, в ориентации на удачу, часто подсознательной, одна из важнейших психологических причин моды на буддизм, эту религию недеяния в молодежной (и не только) среде.

Удача – это экзистенциальная ценность другого мира. Мира, в котором Просвещение потерпело фиаско, который переживается как иррациональный и заполненный неопределенностью, в котором все, в том числе и жизнь человеческая, – результат игры непонятных сил.

Этот мир изображает искусство авангарда, снимающее проблему смысла, настаивающее на абсурдности, произвольности бытия и конструирующее новую онтологию, в которой знак замещает, делает излишним означаемое. В этом онтологическом провале, составляющем суть наступающей эпохи “постмодерна”, уже не остается воздуха для реалистичного, рационально-деятельного духа Возрождения. Здесь неизбежно “новое чувство жизни”, а значит и “смена ценностей”. Здесь уже не стремятся к успеху, а жаждут удачи.

Успех – это протестантская категория, он сущностно связан с призванием. Успех – это, по сути, реализация призвания, поэтому он и требует усилий, не может быть случаен, а приходит в соответствии со способностями и трудом человека. Призвание – это, собственно, то, что делает человека личностью. Но призвание есть то, чему служат. Призвание (и успех) налагает ответственность (надо быть на высоте положения), ему надо соответствовать. Сегодня о призвании не говорят, это архаично, современный человек не хочет, да и не может служить, избегает ответственности, он просто ждет удачи. Удача никак не связана с целерациональной деятельностью, она делает призвание излишним, помехой, мешающей вполне отдалиться ловле мига удачи.

Стремление к успеху способствует становлению личностных качеств (selfmade man), ориентация на удачу приводит к их деградации. Удача – это то, что приходит в игре, причем не в спортивной, где требуется умение (там успех), а в карточной, в рулетку, в лотерею. Счастливый случай – вот цель жизни, предел мечтаний и вся стратегия деятельности. Не работать над собой, планомерно идя к успеху, а искать случая. Отсюда во многом и повышенная социальная мобильность современного общества, постоянная смена рода занятий, места жительства, даже брачных партнеров. В этом же в значительной степени и духовная причина криминализации общественного сознания. Подобное мироотношение, расчет на удачу, “фарт” и составляет специфику уголовного мира, определяет его образ жизни и представляет собой ключевое отличие психологии преступника, “джентльмена удачи”, от психологии работника.

Удача асоциальна: чтобы ее ждать, не нужно уживаться с другими, что-либо знать или уметь, вообще незачем социализироваться, можно быть и “асоциальным элементом”. Удачу ждут в одиночку, для этого никто не нужен, скорее наоборот, как в рулетке, если **выпало** одному, то у других **неудача**. Удача поэтому разобщает. Успех же может быть общим, на него вполне можно работать сообща, командой, группой, нацией, даже человечеством.

Успех требует веры, а удача нет. Поэтому на смену протестантизму приходит “дадаизм”. Веру сменяет суеверие, становятся популярны восточные календари, астрология и т. п.

Опять же заметим, что уголовники, наверное, наиболее суеверная часть общества, причем принципиально не верящая. Упомянем еще, что они и наиболее азартны в погоне за удачей, откуда их страсть к карточной игре, причем примитивной, типа “очко”, и с большими ставками, когда “ставятся” даже жизни. Так и вспоминаешь **ставшее** весьма популярным изречение: “Что наша жизнь? Игра”.

Игра становится фундаментальным образом бытия, превращается в ключевое понятие онтологии, так же как в эпоху Просвещения таким понятием был закон. Настоящий успех именно закономерен. Законы природы, – как правило, с большой буквы: естественный закон, естественное право, правовое государство – все это продукты духа Просвещения, и вслед за его исчерпанностью теряют действенность, “жизненную силу”, и отойдут в прошлое.

Успех связан с категорией истины, которая имеет не только гносеологическое, но и экзистенциальное значение. Поэтому он и бывает закономерным, настоящим или мнимым, что и отражено в языке. Поэтому “конвенциональность” истины в гносеологии превращает игру в “основной феномен человеческого бытия” в антропологии. Игра, наверное, самое модное понятие в новейшем обществоведении, хотя это не специфически человеческое явление, играют и животные, а больше всего дети (детёныши). Игра и есть собственно детский феномен, условная, искусственная реальность, способ бытия в непонятном, немножко колдовском и, самое главное, произвольном, безответственном, необременительном мире, где возможны чудеса и нет необходимой связи между поступками, наличным состоянием и последствиями, будущим. Кстати сказать, специфическое суеверие, мечтания о счастливом случае и неспособность к систематическим усилиям есть особенность именно детской психологии. Играют, конечно, не только дети, но во “взрослом мире” игра всегда была **средством** передохнуть, **расслабиться, отвлечься**, набраться сил (что и было ее рациональной целью), прежде всего душевных, психологических, для настоящей жизни в действительном безусловном мире, требующем серьезного, принципиально неигрового к себе отношения. Игра была **отдыхом** от этого мира, мира заботы, работы и ответственности.

Сегодня, когда стирается не только моральная, но и онтологическая грань между условным и безусловным, когда целью жизни становится отдых – говорят даже о “цивилизации досуга”, – игра превращается из средства в цель, и жизнь становится игрою. Соответственно поднимается статус артиста, появляется невиданное, невозможное ранее сословие профессиональных игроков – профессиональных спортсменов. Артисты, спортсмены, всякого рода “шоумены” – неотъемлемая и самая заметная, “передовая” часть современной элиты. Они – “посланцы мира”, “борцы с наркотиками”, “благодетели”. Они – законодатели мод, образцы жизненных стандартов и поведенческих стереотипов, те, кто живет настоящей, то есть свободной (что на современном языке означает беззаботной), творческой (что значит прихотливой) жизнью. Среди них ищет себе кумиров молодежь. И если прежде считалось необходимым постоянно напоминать детям, что “жизнь не игра” и что “ничего не дается без труда”, то сегодня, в эпоху экзистенциального наступления “удачи”, господствует другая педагогика – именно **играющая**, и неизбежной становится нарастающая инфантилизация массового сознания.

Между прочим, в этом же русле культивирования детской безответственности – и псевдогуманная забота о преступниках, отмена смертной казни и т. д. Детей и невменяемых не наказывают именно потому, что они не способны нести ответственность за свои действия. Ограничение ответственности – наказуемости субъекта – имманентно содержит ограничение его вменяемости, правоспособности, то есть потенциальному преступнику, в известном смысле каждому члену общества выдают свидетельство-индальгенцию о его ограниченной вменяемости, стимулируя его незрелость. Не удивительно, что преступники (и дети) пребывают в убеждении, что их наказали ни за что, или, по меньшей мере, несправедливо.

Успех выделяет, а удача уравнивает. Успех аристократичен, удача демократична – перед случаем все равны, как перед Богом. Поэтому в обществе успеха возможна относительная стабильность социальной структуры. Общество удачи гомогенно, его структура расплывчата, это собственно толпа, в которой у каждого есть свой шанс. В этом, кстати, и онтологическая укорененность, экзистенциальная адекватность демократии, причина ее популярности у

человека массы, будь он нуворишем-выскачкой, киллером или бомжем.

В современном обществе во всех сферах жизни социальный статус индивида во многом определяется не его объективными свойствами, а стечением случайных обстоятельств. Все менее действенными становятся даже такие значимые практически во всех прежних культурах факторы, как образование, профессия, государственная служба, вообще говоря квалификация и способности (собственно, способности уже утверждены у всех равными), не говоря уже о социальном происхождении и положении.

Отбор кадров, делание состояний, оплата труда, ценности искусства – все иррационально. Показательна ситуация в масс-культуре, из которой черпает свои жизненные представления человек толпы. Там “звезд” делают буквально из ничего, не нужно ни таланта, ни даже особых усилий, просто счастливый случай, а ведь и я мог бы или мои дети, думает “средний” человек, эх, если бы повезло.

Отметим еще и ускорение темпа общественной жизни, события сменяются с поистине калейдоскопической быстротой, обвальное возрастает их число, становятся частыми на протяжении жизни даже одного поколения кардинальные изменения социально-политической реальности, – революции, крушение и создание государств, изменение их границ, появление новых социальных групп и уход прежних классов, профессий, образов, укладов жизни.

Все это не может не приводить к существенному изменению массовых поведенческих ориентаций. Его направленность можно проиллюстрировать, вспомнив давнее различие охотника и землепашца. У них разные типы деятельности, образы жизни, разная психология.

Охотник по необходимости надеется на удачу, она жизненно важна для него, ее он ищет и ждет. **Землепашец** же должен день ото дня упорно и методично возвращать, вырабатывать свой успех. Надежда на удачу сменяется здесь **расчётом** на успех как результат труда.

Переход от охоты к землепашеству знаменовал собой, как известно, начало цивилизации. Современный человек, похоже, начал обратную эволюцию, психологически, по своему мироотношению,

все больше превращаясь в “охотника за удачей”. Этакое вольного стрелка – искателя счастливого билетика, не склонного к постоянному упорному труду и не желающего **связывать** себя какими-либо обязательствами. Здесь кстати вспомнить, что слово “охота” имеет еще и значение “хотение”, “желание”, а как деятельность содержит в себе значительный элемент игры, часто и превращаясь в развлечение, разновидность спорта, активного отдыха.

В экономическом применении успех – понятие западное, практическое, **промышленное**, удача – восточное, магическое, **торговое**. Впрочем, прежде на Западе и торговец рассчитывал на успех, сегодня и промышленник все больше рассчитывает на удачу (конъюнктуру). Собственно в экономике вообще тенденция состоит в том, что один преобладающий, конституирующий тип – промышленник – заменяется другим – торговцем. Конец индустриального общества, переход капиталов из сферы производства в сферу обмена, из промышленности в торговлю (а торговля принципиально связана со случаем, с его игрой) и знаменует собой победу удачи как принципа, стиля деятельности в экономической сфере.

В “постиндустриальном обществе” необходимо возрастает роль денег (**дензнаков**), которые и оказываются в новейшей экономике “первичной”, все определяющей реальностью (мерилом подлинности всего, в том числе произведений искусства и даже человеческого достоинства), практически не связанной с “потребительскими стоимостями”. Адекватным и наиболее прибыльным видом экономической деятельности становится торговля деньгами, знаками-акциями, собственно биржевая **игра**, а главным подразделением **правительства** – министерство финансов.

В новой реальности деньги также обретают новую форму. Они становятся все более символическими, **безналичными**. Это что-то вроде исторической закономерности: шкуры, золото, банкноты, цифры на экране компьютера.

Между прочим, что бы ни говорили экономисты-теоретики, не способные, видимо, понять необходимую связь формы и содержания, безналичность денег облегчает спекулятивные манипуляции с ними. В отличие от теоретиков это, как показывают криминальные

истории последнего времени, хорошо усвоили удачливые экономисты-практики.

В мире успеха была необходима свобода, то есть собственно снятие внешних ограничений для проявления личных качеств, стремления к индивидуальному успеху, борьбы за него. Поэтому она стала ценностью, ее добивались, вначале творческой (собственно Возрождение), затем научной, экономической и, наконец, политической, и, как основания их всех, конечно, религиозной. Отсюда политическая активность: в том рациональном мире человек хотел сам всё решать. Здесь само государство предстало как дело рук человеческих, результат договора. И, соответственно, стало возможным и необходимым его устройство (и перестройка) на разумных, “естественно-правовых”, рациональных началах. Наступила эпоха революций. После нового времени их не будет, как не было до него, были и будут (если будут) только бунты. Здесь возникают политические партии, и политика превращается в сферу борьбы устойчивых, организованных групп интересов и идеологий. Основным способом социального управления становится стимулирование. Успех – главная смыслосозидающая ценность эпохи, определяющая тип жизнедеятельности. Это ключевая категория “модерна”.

Государство “успеха” – это форма организации деятельности, в нем есть история, настоящая политическая борьба и ответственные лидеры с различными программами, в нем можно сделать рациональный выбор и есть смысл заниматься политикой.

Если свобода Просвещения – “модерна” предполагала личную ответственность и возможность работать на себя, то сегодня свобода состоит в свободе от ответственности и от усилий, в том, чтобы не участвовать в “труде и обороне” и удовлетворять, тем не менее, свои желания. Мир удачи принципиально предоставляет такую возможность, не требуя для ее реализации никаких условий. Поэтому свобода становится не нужна, она заменяется комфортом, борьба как таковая оказывается бессмысленной, а вместе с тем пропадает и интерес к общественно-политической жизни. Никакой результат выборов не помешает ловить удачу, поэтому идти на них ни к чему, а уж тем более на демонстрации ходить.

Власть переходит ко все более символическим субъектам с диффузно-коллективной “ответственностью”. Монарх, партийный

парламент, парламент из депутатов, связанных только “мандатом избирателей”, и, наконец, – “мировое сообщество” (субъект, вообще не поддающийся определению-ограничению, не имеющий лица), уже отменившее государственный суверенитет и постепенно отменяющее государство как политическую форму. С государством уходит и мир политики, или все становится политикой: религия, искусство, наука, экология, медицина. Приближается и конец истории, которая возможна, по сути, только как история государств.

Высшая инстанция власти – “мировое сообщество” – по определению ответственна лишь перед самой собой, обладает в принципе неограниченными полномочиями. Здесь нет “разделения властей”, и принимаемые решения не предусматривают апелляции. Власть удаляется все дальше, индивид все больше утрачивает конкретные возможности реального влияния на жизнь общества и свое место в нем. Хозяином положения слишком часто оказывается случай. В таком мире лишь удача придает смысл жизни, она становится ее главной ценностью, определяет поведение индивида. Поэтому удача – это ключевая категория новой, приходящей на смену “модерну” эпохи “постмодерна”. Адекватным ей способом управления является манипулирование.

Руководящим принципом политической деятельности становится беспринципность. Но это далеко не макиавеллизм, ибо Макиавелли говорил о цели, которая и оправдывает средства. Сегодня фигуранты политической арены на деле даже не ставят перед собой политических, вообще каких-либо надындивидуальных целей, они просто играют роли, делают свою “работу”. Политика низводится до средства, одной из профессий, разновидности “бизнеса”, одного из способов зарабатывания денег – и только. Время политических партий проходит, они превращаются в филиалы корпораций, своего рода деловые клубы или наспех собранную массовку, призванную обеспечивать, “легитимировать” бенефис одного “артиста”. Хорошей, наверное, самой яркой иллюстрацией может служить В. Жириновский – звезда российской политической сцены.

Традиционные, возникшие в другую эпоху и пережившие ее партии лишь доживают свой век и умирают, либо постепенно перерождаются в партии “нового типа”.

В “государстве удачи” историю заменяют “светские новости”, сводящиеся к рассказу о новых поступках и сексуальных приключениях очередной “поп-звезды”, в которую может превратиться даже “принцесса”. Конечно, это и новости спорта, и теракты, и природные катаклизмы, биржевые скандалы и неизвестно откуда берущиеся финансовые кризисы. Здесь все превращается в шоу. Вместо политической борьбы – политические скандалы и закулисный партийный торг “профессиональных политиков”. Все решают “технологии”, выбор делается по случайным обстоятельствам, а “электорат” становится объектом манипулирования, что, впрочем, принимается им как проявление естественного порядка вещей и не вызывает протеста (так уж устроен мир), по крайней мере постольку, поскольку остается возможность “охотиться за удачей”. Обществом овладевает политическая апатия. Причем не только массами, но и так называемой элитой. Впрочем, в обществе удачи, строго говоря, не может быть элиты. Это одна из сторон и проявлений его “демократичности”. Оно не столько демократично, сколько антиэлитарно, в частности в том смысле, что членом элиты, и политической, и экономической, может стать любой и в любой момент. Конечно, в каждой элите всегда были выскочки, случайные люди, но современная элита принципиально состоит из выскочек, из тех, кому “подфартило”. Это правило.

В этом невиданном ранее в истории обществе без элиты заканчивается политика, которая всегда была полем борьбы элит. Заканчивается и сама история, ибо исчезает ее интрига – борьба идей, и ее персонажи – **действующие лица**.

Характерны политические “лидеры” современности. Их приход на посты – результат именно удачи, стечения обстоятельств, причем отнюдь не исторических. Никто из них даже не говорит о призвании, никто из них не шел к цели долго и трудно (и прямо). Никто не боролся за успех, а в лучшем случае рассчитывал на удачу (или даже не рассчитывал, а она на него свалилась), обдывая пока свои делишки. Другими по сути были лидеры первой половины XX века. Это люди, имевшие цель и всю жизнь шедшие к цели, верившие в свое предназначение, работавшие для своего успеха и жертвовавшие для него – и в России, и на Западе, и на Востоке. Ленин, Троцкий, Сталин, Чан Кайши, Мао Цзедун, Ганди, Хо-Шимин,

Черчилль, де Голль, Рузвельт, Аденауэр, да и Франко, Муссолини, Гитлер, не говоря о диктаторах помельче. Все это политические лидеры, люди с собственными программами, исторические деятели. Последними могиканами на Западе были Рейган и Тэтчер. Современные же Биллы и Тони демонстративно **невывающиеся**, показушно (и не только) серые, официально озабоченные лишь “снижением налогового бремени” да привлекательностью своего “имиджа” (характерное словечко новейшей политической онтологии, вернее, онтологического провисания современной политики), а “не для прессы”, как показывает “история Моника”, еще более осязаемыми предметами. Ни за кем из них нет идеи, программы, да просто своеобразия. Даже их уменьшительные самоназвания (Тони) лишь кажутся нарочито простыми, в сущности они адекватны своим носителям.

И это представители крупнейших государств, что уж говорить о “лидерах” стран-новоделов, в немалом количестве возникших после падения СССР, бывшего последним прибежищем Просвещения, бастионом одного из вариантов идеологии “модерна”. За редчайшим исключением это, в сущности, чиновники средней руки, исполнители, прагматики, как они сами себя аттестуют, “прагматично” подходя и к своей деятельности на “высоком посту”. А есть и совершенно случайные люди, вытолкнутые на авансцену по независящим от них причинам и толком не знающие даже, что такое власть и что с нею делать.

В обществе успеха **нужны** были знания, ибо они помогали ориентироваться в рационально устроенном мире. Поэтому создавали и совершенствовали систему образования, которая есть собственно результат Просвещения, феномен “модерна”. В будущем ему вряд ли найдется место. Дело в том, что любая образовательная система имеет своим регулятивным принципом тот или иной идеальный образ человека, приближение к которому массы населения в результате обучения и воспитания и составляет ее задачу, содержание, средство и цель процесса образования. Эпоха Возрождения – Просвещения руководствовалась образом человека деятельного, рационального, познающего объективные закономерности действительности и преобразующего ее, человека успеха. Новая эпоха “постмодерна” вдохновляется другим образом – человека играю-

щего, отдыхающего, потребляющего, живущего в непредсказуемом, полном неожиданностей мире, человека удачи.

Этот человек, вообще говоря, не видит необходимости работать над собой, заниматься самосовершенствованием, он и так достаточно хорош. Если прежде “юноша, обдумывающий житьё” думал о том, кем стать, иначе говоря, ставил перед собой задачу обретения некоей качественной определенности, то сегодня для нового поколения важен лишь один вопрос – сколько получать. Другими словами, становление кем-то, созидание собственной личности, получение определенного ответа на вопрос “кто я?” уже не осознается как задача. Не важно кем **быть**, важно сколько **иметь**.

Так проявляются последствия “восстания масс”, описанного Ортегой-и-Гассетом. “Человек-масса” восстает против необходимости искать смысл бытия. Он больше не хочет делать вид, что ему это тоже нужно, и не только не стесняется заявлять об этом, но и показывает пальцем на тех, кто все еще “чего-то там ищет”. Дух “постмодерна” отвечает этому настроению “человека-массы”, а модная философия легитимирует его, придает ему “достаточные интеллектуальные основания”. На этот счет хорошо сказал К. Леви-Строс, назвавший философию Сартра “метафизикой для беловшеек” (2).

“Человек-удача” “не дурней других”, он “и так знает, что ему нужно”. Образование, таким образом, становится излишним. В обществе удачи знания оказываются если и не в тягость, то бесполезны для индивида, тем более что человек масс-культуры хочет не знать, а иметь, а для власти, основным способом управления которой становится манипулирование, они объективно превращаются в помеху, ибо знающими, образованными людьми трудно манипулировать. Поэтому образование разрушается, прежде всего перманентным реформированием. Одно из средств этого, причем именно адекватное современному духу, им питаемое и его питающее, – тестирование.

Тесты – это отнюдь не мелкая деталь нового подхода к образованию, а основополагающий метод школы будущего. Тест как обучающая форма принципиально включает элемент игры и принципиально же связан со случаем, что делает его сущностно адекватным новой онтологии “постмодерна”, важнейшим, незаменимым

образовательным средством в обществе удачи. В нем забывают о том, что образование, обучение – это прежде всего труд, а не игра, и все шире внедряют передовые “технологии” “обучения в процессе игры”, особенно в начальной школе. Таким образом, с малых лет формируется игровое сознание, игровое отношение к действительности, да и к самому себе, складывается ориентация на определенный тип жизнедеятельности, на тип человека удачи, победителя на “поле чудес”. Обучение и контроль знаний с помощью тестов очень способствует такой ориентации. Здесь достаточно просто выбрать 1 вариант из 3–4, а можно и **угадать**. С завершением перехода на тестовую систему в школе будущего (тут, кстати, и развитие дистанционного обучения) не исключено, что и обезьяна, при **удаче** (!), сможет получить диплом о высшем образовании, что и станет наконец решающим доказательством торжества великого учения Ч. Дарвина (вернее, Т. Гексли) о превращении обезьяны в человека (и обратно).

Это событие и будет, наверное, означать окончательную победу “удачи” над “успехом”. Но то, что будет, – не известно, а то, что есть, переживаемый сегодня период, часто определяемый как смена “модерна” “постмодерном”, на наш взгляд, в экзистенциальном измерении, может быть описан как переход от мира, в котором стремились к успеху, к миру, в котором ловят удачу.

Литература

1. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., 2000. С. 309.
2. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 2001. С. 177.